

Золото Днепра

МИХАИЛ ТРОФИМЕНКОВ О «ЗВЕНИГОРЕ»

АЛЕКСАНДРА ДОВЖЕНКО

ШЕСТВУЮТ, ПЛЫВУТ, ПРОЛЕТАЮТ
ПРИЗРАКИ ВАРВАРОВ-ВОИНОВ, КАТЯТСЯ
ОТСЕЧЕННЫЕ ГОЛОВЫ, ЖЕНЩИНЫ
ПРЕДАЮТ СВОЙ РОД

СЕРГЕЙ Эйзенштейн, ошарашенный фильмом Александра Довженко, порывался написать о нем статью под названием «Красный Гофман», а в статье «Рождение мастера» (1940) вспоминал о премьере «Звенигоры». «Мама родная! Что тут только не происходит! Вот из каких-то двойных экспозиций выплывают острогрудые лады. Вот кистью в белую краску вымазывают зад вороньему жеребцу. Вот какого-то страшного монаха с фонарем не то откапывают из земли, не то закапывают обратно». «И вот уже „дид“, символ старины, подстрекаемый злым сыном, кладет на рельсы символу прогресса — поезду — динамит. В поезде — добрый сын. Наш, советский. Пьет чай. В последнюю минуту катастрофы не происходит. И вдруг „дид“ — символ старины — сидит себе, как живой дедушка, в отделении вагона третьего класса и пьет с сыном чай из самого натурального чайника». Эйзенштейн — даже двенадцать лет спустя — ощущал то же смятение чувств, что и на премьере. Вызывает «Звенигора» смятение и поныне. Пунктирная история деда (Николай Надемский) и его сыновей, ушедшего в революцию Тимоша (Семен Свашенко) и петлюровца Павло (Лесь Подорожний), с трудом вычленяется из наплывающих друг на друга — без всякого уважения к хронологии — видений прошлого. Одни армии и банды, от скифов и варягов до петлюровцев, столетиями перекатывавшиеся через Украину, прячут награбленные сокровища в землю, а другие пытаются завладеть ими. Тщетно: золото в руках людей превращается в черепки, алмазы — в стекло. Да и дед — не простой, а тысячелетний. Но «Звенигора» сеяла в умах не только эстетическое, а и политическое смятение. Сценарий, радикально переделанный Довженко, написали классовые антагонисты.

Генерал-хорунжий Юрко Тютюнник, один из самых жестоких петлюровских атаманов, был взят ГПУ (1923) при нелегальном переходе границы. Перешел на сторону Советов, преподавал в военной школе, писал сценарии, а в фильме Георгия Стабового «П.К.П.» (1926) сыграл самого себя. Майк Йогансен был одним из лидеров «пролетарской литературы». Тютюнника расстреляют в 1930 году, Йогансена, смертельно рассорившегося с Довженко, — в 1937-м. Довженко же за «Звенигору» клеймили одновременно как украинского националиста и как «русификатора», продавшего москалям. Естественно, Довженко, как любой гений, не уместился в рамки никаких идеологических стереотипов, но был, конечно, не просто коммунистом и не вульгарным националистом, а «национал-коммунистом». Однако же, при всей степной экзотике «Звенигоры», ее истоки не совсем или совсем не украинского толка. «Гофман» — это Эйзенштейн почувствовал безупречно

точно. В том смысле, что у «Звенигоры» отчетливый германский акцент. Кажется, Довженко под впечатлением великих «Нибелунгов» (1924) Фрица Ланга замахнулся на «Золото Днепра». По экрану как в тягостном сне шествуют, плывут, пролетают призраки варваров-воинов, не касаются земли копыта их коней, катятся отсеченные головы, женщины предают свой род. Германский дух царит не только в этих, но и в современных, «реалистических» эпизодах. Вот, очутившись в европейской эмиграции, Павло читает избранному обществу антисоветскую лекцию. Обещано, что ее гвоздем станет публичное самоубийство лектора, но тот не в силах поднести дуло к виску. Жаждающий крови зал взрывается свистом и воплями, и эту гротескную сцену Довженко решает, опираясь на стилистику Георга Гросса, оживив монстров в моноклях из его графических циклов о чумном пире Веймарской республики.

«Звенигора», 1928

